

А. П. Керзум

Франц Лефорт

Франц Яковлевич Лефорт (*франц.* François Le Fort; *нем.* Franz Jakob Lefort) — российский государственный и военный деятель, сподвижник Петра I — родился 23 декабря 1656 года в Женеве. Этот, ныне швейцарский, город в середине XVII столетия являлся самостоятельной республикой, мировым центром кальвинизма. Его население в значительной степени состояло из реформатских беженцев со всей окрестной Европы. XVII столетие было периодом быстрого экономического роста Женевы. В цветущем состоянии пребывали и ремесла, и торговля, и банковское дело. Франц Лефорт родился в семье торговца Жака Лефорта (1618–1674). Это семейство было типичным для Женевы того времени. Прадед Франца Жан Антуан Лиффорти прибыл в Женеву в середине XVI столетия из северной Италии, был принят в 1565 году в число женевских граждан и занялся торговлей. Его сыновья перенесли свою фамилию на французский лад и стали именоваться Лефортами. Один из сыновей Жана Антуана, Исаак Лефорт, а затем и младший сын Исаака, Яков, вели обширную торговлю с Марселем, Лионом, Франкфуртом-на-Майне и Амстердамом и в то же время занимали почетные выборные должности в Женеве. Со временем семейство путем брачных союзов вошло в состав самых богатых и заслуженных семейств республики. Франц был младшим из семи сыновей Жака Лефорта. Его мать Франсуаза была дочерью женевского бургомистра Лекта.

Нельзя сказать, что будущий российский государственный деятель Франц Яковлевич получил выдающееся образование. Юный Лефорт до 14 лет учился в женевском коллегииуме, а затем был отправлен во французский Марсель для обучения торговому

делу к одному из знакомых купцов отца. Однако занятие торговлей не привлекало молодого человека. Юноша мечтал о военной службе и знакомстве с великими мира сего. В принципе, для швейцарца того времени военная карьера не являлась чем-то необычным. В эпоху, когда европейские армии состояли из наемников, швейцарцы тысячами и десятками тысяч служили иностранным правительствам. В наем их сдавали власти швейцарских кантонов, обеспечивая тем самым благополучие оставшихся дома семейств этих «солдат удачи». Высокие воинские качества «швейцаров», как их называли в России, были известны всей Европе. Однако наемнической практики на государственном уровне именно в Женеве не было. Лефорту пришлось действовать на свой страх и риск. Франц ушел от своего французского хозяина и в течение нескольких месяцев прослужил кадетом в крепостном гарнизоне города Марселя. Отец был очень недоволен своеволием сына, вызвал его обратно в Женеву и принудил заниматься торговыми делами, но ненадолго.

Франц Яковлевич Лефорт

В декабре 1673 года в Женеву прибыл Карл-Яков, младший сын курляндского герцога из рода Кетлеров, польских вассалов. Майоратная система не оставляла ему шансов унаследовать титул, и он должен был пробиваться в жизни самостоятельно. Военная служба являлась наиболее естественной сферой деятельности для таких людей. Сходство стремлений, вкусов и характеров способствовали быстрому сближению путешественника с Францем Лефортом. От природы здоровый, высокого роста, сильный и ловкий, Лефорт отличался красивой наружностью, быстротой соображения, веселым и живым характером, смелостью и предприимчивостью. Приключения были его мечтой. Юноша был

вполне авантюрного склада, совершенно неподходящего для жизни в упорядоченной Женеве. Впрочем, воспитание в строгих и нравственных правилах кальвинизма навсегда вселило в него то внутреннее чувство, которое он сам называл «страхом Божиим». Принц Карл предложил Лефорту ехать с ним вместе в Польшу для поступления в тамошнюю армию или отправиться в Нидерланды, под начальство его старшего брата, наследного герцога курляндского, принимавшего участие на стороне Голландии во Франко-Голландской войне 1672–1678 годов. Нелегко было Францу получить от родителей разрешение вступить на военную службу. Но настойчивость принесла свои плоды. Отец дал ему на путевые издержки только 60 гульденов и отказал в рекомендательных письмах к своим знакомым купцам в Страсбурге, Фанкфурте-на-Майне и Амстердаме. Никто не мог бы предсказать, куда судьба занесет этого любознательного юношу, а уж о России, вероятно, никто и не думал.

Франц выехал из Женевы в начале июня 1674 года, а 16 августа прибыл в Амстердам. Оттуда он направился в Гаагу, чтобы состоять в свите герцога Фридриха-Казимира. Лефорт принял участие в войне, жизнь его неоднократно подвергалась опасности во время осады крепости Граве, на Маасе. После взятия этой крепости Лефорт получил разрешение герцога съездить в Амстердам и разузнать про здоровье отца. В Амстердаме его ждало письмо старшего брата Ами Лефорта с известием о том, что отец умер. Несмотря на склонность к авантюризму, Лефорт был очень привязан к родной семье. Его угнетало сознание, что своим отъездом он огорчил родителей и брата. Вполне естественно, что Францу не досталось никакого наследства после отца. Некоторое время он надеялся занять место секретаря при курляндском герцоге, но и в этом потерпел неудачу. Он уже готов был вернуться в Женеву ни с чем.

Впрочем, отчаяние владело им ненадолго. Стремление к военной службе побудило Лефорта отправиться искать счастья в Нимвеген, голландскую крепость, куда съехались уполномоченные воевавших держав для переговоров о мире. В Нимвегене находился в это время голландец, подполковник фан Фростен, набиравший добровольцев для военной службы в далекой Московии. Он предложил Лефорту чин капитана, и Лефорт согласился ехать с ним.

Обещанный чин был весьма привлекателен. В Европе получить его за короткий срок было почти невозможно. Деньги на дорогу двадцатилетнему Францу дал амстердамский купец Туртон, приятель его покойного отца.

В результате 4 сентября 1675 года, почти через шесть недель после отплытия из Амстердама, полковник фан Фростен с тринадцатью наемниками, среди которых был и Лефорт, прибыл в Архангельск. По установленному порядку архангелогородский воевода Феодор Полуектович Нарышкин, дядя царицы Натальи Кирилловны, принял вновь прибывших иноземцев, назначил им временное содержание и отправил в Москву донесение вместе с «расспросными листами». Вся команда, в том числе и Лефорт, в своих «листах» записала себя в капитаны и уроженцы Данцига. В Архангельске оказалось, что фан Фростен взял их в Московию на свой страх и риск и что им придется жить в Архангельске до получения царского дозволения ехать в столицу. Иноземцам был установлен «корм», полтина на четырнадцать человек (на долю Лефорта приходилось три копейки), до тех пор, пока Посольский приказ не примет решения. Ответ, причем неблагоприятный, пришел только в ноябре: «Полковника фан Фростена с товарищи выслать за море, а к Москве не отпускать и корм им прекратить». Вновь прибывшие «капитаны» написали челобитную царю. Благосклонный к иноземцам царь Алексей Михайлович 16 декабря распорядился пропустить соискателей в Москву. В Архангельске Лефорт познакомился с итальянским торговцем Франческо Гуасконе и одолжил у него десять талеров, а затем еще шестьдесят на дорогу до Москвы. Выехав 19 января 1676 года, он прибыл в Москву 26 февраля уже при новом царе Феодоре Алексеевиче. 4 апреля царь велел объявить прибывшим, что они непригодны для царской службы и должны возвратиться морем в отечество. Несмотря на такое распоряжение, все офицеры остались в России, но каждый стал искать службу самостоятельно. Что касается Лефорта, то он предложил свои услуги датскому резиденту в Москве, некоему Гиое. В результате он обосновался в московской Немецкой слободе, даже не предполагая, что на всю жизнь.

Немецкая слобода возникла в 1652 году на правом берегу Яузы, у ручья Кокуй. Население ее было очень пестрым

и в этническом и в конфессиональном отношении: здесь жили католики, но большинство было протестантами разных исповеданий. Парадоксально, но здесь, как нигде в Европе того времени, царил дух веротерпимости: в частности, московские католики, долгое время не имевшие своего храма, молились в лютеранских кирхах. Занятия иноземцев были самыми разными, но большинство составляли военные специалисты. До 1690-х годов население Слободы было практически изолировано от москвичей. В первом же письме Франц Лефорт сообщал своим родным в Женеву: «Тут живут немцы, англичане, шотландцы. Французов почти нет, кроме трех, прибывших с нами, нет и швейцарцев, кроме одного, золотых дел мастера его величества, базельского уроженца по имени Густав... После офицеров, два года назад павших в сражении с татарами и поляками, осталось много богатых и прекрасных вдов; есть много и полковничьих дочек».

Обосновавшись в Немецкой слободе, Лефорт встретил своего знакомого по Архангельску, итальянца Гуаскони. По вероисповеданию он был католиком и находился в большой дружбе с двумя видными иноземцами, состоявшими на царской военной службе — Полем Менезесом и Патриком Гордоном, тоже католиками. Гуаскони познакомил с ними Лефорту. В то же время Лефорт заслужил расположение датского резидента Магнуса Гиое. Тот намеревался взять его с собой в Данию и обещал способствовать его дальнейшей карьере. Но Лефорт, по-видимому, не слишком стремился покинуть в это время Россию, так как сообщал своему старшему брату, что подумывает о женитьбе. Как следует из ответного письма, родня была против его планов и настаивала, чтобы он уехал из России. Брак не состоялся. Завязав при посредстве полковника Менезеса и своего приятеля Гуаскони знакомство с английским посланником сэром Гебдоном, Франц предполагал в августе 1678 года уехать с ним в Лондон, а оттуда в Париж. Намерение Лефорту уехать из России не осуществилось, потому что русское правительство отказало в заграничном отпуске иноземным офицерам, опасаясь новой войны с Турцией и Крымом. Лефорту оставалось ждать благоприятного момента для поступления на военную службу.

Не имея постоянного занятия и содержания, в том же 1678 году Лефорт утвердился в мысли, что ему все-таки пора

вступить в брак. Он познакомился с вдовой подполковника Сугэ (Souhay), полюбил ее единственную дочь Елизавету и женился на ней без дозволения родных. Она приходилась родственницей Патрику Гордону. Ее мать, происходившая из фамилии фон Бокговен, с 1648 года жила в России, куда отец ее переселился из Англии вследствие гонений на католиков. Елизавета была воспитана в строго католическом духе, но при вступлении ее в брак с Лефортом было постановлено крестить и воспитывать детей по кальвинистскому вероисповеданию. Дальнейшая карьера Лефорта часто разлучала его с женой, однако с 1680 по 1691 годы у них родилось восемь или девять детей, из которых выжил только Анри, родившийся в 1685 году. Известно, что Лефорт настоял на том, чтобы дать сыну кальвинистское образование в Женеве, а не в Москве, боясь, что в его отсутствие католические родственники могут его «испортить». Анри Лефорт, вернувшийся в Россию в 1701 году, умер от горячки на руках Петра в 1704 году. Через жену Лефорт вступил в родство с двумя влиятельнейшими на тот момент жителями Немецкой слободы — Гордоном и Мензесом. Желая участвовать в военных действиях России против Турции, он подал в июле 1678 года челобитную в Иноземный приказ о принятии его на царскую службу. После справки в Посольском приказе о времени прибытия Лефорта в Россию, о чине, с каким он приехал, последовало царское повеление «принять в службу иноземца Франца Лефорта, с чином капитана».

В конце 1678 года Лефорт был назначен командиром роты, входившей в состав гарнизона Киева и принадлежавшей к корпусу князя Василия Васильевича Голицына, которому он уже был лично известен. Киевским комендантом был назначен Патрик Гордон. Все это давало Лефорту надежду не остаться незамеченным, и он отправился в начале 1679 года в Киев, где пробыл два с половиной года, участвовал в походах против турок и крымцев, подвергался большим опасностям и едва не попал в плен. Три раза Лефорт ездил с поручениями в Москву. Он перевез свою жену и тещу в Киев, но редко жил в семейном кругу вследствие продолжительных командировок. По заключении мира Лефорт возвратился со своей ротой в Москву и поспешил известить о себе старшего брата, которому не писал во время похода.

Вскоре Лефорт испросил полугодовой отпуск для поездки в Женеву. Отпуск ему предоставил князь В. В. Голицын: «Князь сказал, что увольнение со службы получить не могу, но, так как мир с турками заключен, то он дает мне отпуск, только не на долгое время, а если я, с Божьей помощью, возвращусь, обещал мне повышение по службе». Жалование на время отпуска сохранялось. Патрик Гордон, комендант Киева, снабдил своего родственника рекомендательным письмом: «Свидетельствую я, Патрик Гордон, генерал-майор артиллерии и инфантерии, комендант Киева, что благородный и храбрый господин Франц Лефорт, капитан его царского величества, всегда, и на марше, и на сторожевых постах, равно и в различных делах и сражениях оказывал себя честным и добросовестным офицером».

9 ноября 1681 года Лефорт отправился в путь. В Женеву царский офицер прибыл 16 апреля 1682 года. В дороге он задержался из-за болезни: лихорадка постоянно преследовала его с 1676 года. В «Записках» Людовика Лефорта (старшего сына Ами Лефорта) сохранилось интересная зарисовка знаменитого родственника: «Франц Лефорт был принят своими родными и соотечественниками, любившими и истинно уважавшими его, самым радушным образом. В беседах своих он представлял картину России, вовсе несогласную с описаниями путешественников. Он старался распространить выгодное понятие об этой стране, утверждая, что там можно составить себе очень хорошую карьеру и возвыситься военною службою... Лефорту было тогда двадцать шесть лет. Все соотечественники заметили в нем большую и выгодную перемену. Он был высокого роста и очень строен. В разговоре являл себя строгим и серьезным, но с друзьями был шутлив и весел. Можно сказать утвердительно, что он наделен от рождения счастливейшими дарами и талантами как тела, так ума и души. Он был отличный ездок и в совершенстве владел оружием. Из лука стрелял с такою необыкновенною силою и с такою непостижимою ловкостью, что превосходил искуснейших и опытнейших татар... Он был враг лести и тщеславия. Своему государю был непоколебимо предан во всем, что касалось славы его царствования и счастья подданных... Во время пребывания на родине Лефорту делаемы были различные предложения многими именитыми чужеземцами,

проживавшими в Женеве. Его заверяли, что он найдет достойный круг деятельности или во Франции при швейцарских войсках, или в Германии, или у императора, или в Голландии и в Англии... На все эти знаки благорасположения Лефорт отвечал, что сердце его лежит к России и благодарность обязывает его посвятить жизнь монарху, от которого получил многие благодеяния...». Перед выездом из Женевы Лефорт подал прошение в женеvский сенат о выдаче ему официального разрешения жить в другом государстве. В увольнительном свидетельстве женеvской республики удостоверялось место его родины и его происхождение, и о нем самом сделан чрезвычайно лестный отзыв.

Лефорт тронулся в обратный путь 23 мая 1682 года, проводя на родине чуть более месяца. В Гамбурге он узнал о кончине царя Феодора Алексеевича. По пути женеvцу рассказывали о последних событиях в России в таком мрачном свете, что он ожидал лично для себя, как кальвиниста, больших неприятностей. Но все оказалось не так. 19 сентября Лефорт приехал в Немецкую слободу и был успокоен друзьями, которые уверяли его, что, несмотря на разные перемены в государственном управлении, он может надеяться на успешное продолжение службы. Вероятно, вследствие покровительства князей Голицыных — главнокомандующего всеми русскими военными силами кн. Василия Васильевича, фаворита правительницы Софьи, и его двоюродного брата кн. Бориса Алексеевича, назначенного дядькой к юному царю Петру, — Лефорт получил быстрое повышение по службе. 29 июня 1683 года, в день именин царя Петра, он был произведен в майоры, а 29 августа, в день именин царя Иоанна, получил чин подполковника.

Если производство в майоры представляется вполне закономерным после двухлетней службы в Киеве, то причина столь быстрого назначения подполковником не ясна. Тогда в Немецкой слободе жилось особенно весело и шумно — иностранные дипломаты и богатый купец Гартман устраивали блестящие праздники и задавали пышные пиры. Почетными гостями на них бывали кн. В. В. Голицын и другие знатные бояре. Лефорт был постоянным посетителем этих торжеств. Тогда же и он приступил к организации в своем доме в Немецкой слободе собраний, куда приглашались и русские вельможи, и иностранные дипломаты,

и слободские соседи. Первое известное крупное празднество Лефорт устроил вскоре после возвращения. 12 декабря 1682 года он собрал гостей по случаю годовщины «Женевской эскалады», национального праздника — годовщины победы женевцев над савойцами. Затем последовали продолжения. С годами популярность Лефорта только росла. В 1686 году он писал своему старшему брату: «...Наши князья (бояре), старые и молодые, оказывают мне честь своими более нежели частыми посещениями. Даже когда меня не бывает дома, они не преминут *покурить* и попить у меня, как будто я и не отлучался. Дом мой очень им нравится, и я не могу не сказать по справедливости, что другого, лучше устроенного, здесь нет».

Осенью 1684 года Лефорт снова отправился в Киев, на этот раз в должности батальонного командира. Зимой он вернулся в Москву. В 1687 году Лефорт стал участником первого Крымского похода в качестве командующего батальоном в составе дивизии генерала Змеева. Как известно, поход закончился плачевно. Отряды под предводительством В. В. Голицына столкнулись с огромным степным пожаром, который вынудил их отступить без боя. Военного столкновения не произошло, но потери были большие. Лефорт описал увиденное в письме к родным: «Ничего не могло быть ужаснее мною здесь увиденного. Целые толпы несчастных ратников, истомленные маршем при палящем зное, не могли удержаться, чтобы не глотать этого яда, ибо смерть была для них только утешением... Мы потеряли голову. Искали повсюду неприятеля или самого хана, чтобы дать ему сражение. Захвачены были несколько татар... Пленные сказали, что хан идет на нас с 800 000 татарами. Однако и его полчище пострадало, потому что до Перекопа все было выжжено». Подводя итог кампании, Лефорт писал: «Действительно, никогда подобного похода предпринимать не было, но могу уверить вас, что никогда ни одна армия не страдала столько, сколько здесь». Несмотря на неудачу похода, кн. Голицын остался очень доволен Лефортом и обещал выхлопотать повышение в полковники, если сам он удостоится милостивого приема от царей. В середине августа 1687 года пришел царский указ о роспуске армии. По возвращении в Москву кн. Голицын представил обоим царям и царевне Софье Лефорта.

Вскоре он был произведен в полковники и получил денежную награду. Весной 1689 года состоялся новый поход против Крыма, и Лефорт опять участвовал в походе. Отряды дошли до Перекопа и даже дали несколько небольших сражений, но вскоре татары ушли, а русские остались без воды и повернули обратно.

С 1689 года началась новая страница и в истории России, и в жизни Лефорта. Установление единоличной власти Петра Первого и опала покровителя Лефорта кн. В. В. Голицына не поколебала положения женева. Лефорт сделал правильный политический выбор. «И в ту бытность в Троицком монастыре князь Борис Алексеевич Голицын тут привел в милость иноземцов, как: Петра Гордона генерала, полковника Лефорта, Радивона Страсбурга, Ивана Чамбурса и других многих...». По случаю рождения у Петра царевича Алексея 18 февраля 1690 года Лефорт был пожалован в генерал-майоры. 30 апреля 1690 года Петр впервые посетил Немецкую слободу и провел вечер у генерала Гордона, а через четыре месяца почтил своим присутствием Лефорта. Вслед за тем Петр стал часто бывать у Гордона и у Лефорта, проводил у них целые дни, беседуя главным образом о военных делах, иногда оставался даже ночевать у них. В 1691–1692 годах царь часто бывал у Лефорта в его небольшом доме на берегу Яузы, отделанном на французский лад с изяществом и даже роскошью, к которой Лефорт имел врожденную склонность. В конце 1692 года Петру потребовалось расширить дом Лефорта. Тогдашняя многочисленная (250–300 человек) царская «компания» была весьма разнообразной по характеру, уму, образованию, общественному положению и национальности входивших в нее лиц. Неудобство собирать ее в стенах Кремля побудило Петра приискать помещение в Немецкой Слободе. Самым подходящим был дом Лефорта, и Петр дал средства для пристройки к нему большого зала. Женевец Сенебье, родственник Лефорта, писал: «Его превосходительство выстроил весьма красивую и обширную залу для приема 1500 человек... Помещение так велико и во всех частях исполнено так превосходно, что представляет нечто удивительное... У генерала большое число прислуги; на конюшне двадцать кровных лошадей; у ворот дома постоянно караул из двенадцати человек». Сам Лефорт в письме к брату добавлял: «В саду есть пруды, каких

нелегко найти здесь, изобилующие рыбою. За садом, на другой стороне реки, имею я парк, где содержатся различные дикие звери. Рабы и рабыни, которых у меня довольно, *все освобождены мною*. Словом, мой дом красивейший и приятнейший в целом околоте. Русские приезжают осматривать его как диковинку». Открытие залы отпраздновали, приурочив к отъезду Петра из Москвы в Архангельск, назначенному на 4 июля 1693 года. Празднество продолжалось четыре дня. Было бы, однако, ошибкой думать, что дом Лефорта предназначался царем исключительно для пиров, балов и веселья. Он был также «средоточием для деловых сношений высших сановников, иностранцев и всех, кому нужно было видеть царя». Это был небольшой дворец царя в Немецкой слободе, где Петр чувствовал себя дома, свободным от условностей старого московского уклада. Часто царь вызывал своих сотрапезников в Преображенское для упражнений с потешными войсками.

Эти войска, несмотря на свое название, занимались серьезной военной подготовкой под руководством лучших офицеров, в том числе Гордона и Лефорта. Один из наиболее показательных эпизодов — Кожуховские маневры 1694 года, последняя «потеха» перед Азовскими походами, в которой участвовало свыше сорока тысяч человек. Эти «потешные» маневры под Москвой чуть не обернулись трагедией для Лефорта: в лицо ему попал огненный горшок, начиненный порохом. Тогда же Лефорт возглавил первый отборный полк, позднее получивший название Лефортовского. Полк этот был наиболее элитным подразделением сформировавшейся регулярной армии, поэтому назначение его командиром означало огромную честь и ответственность. Для полка был выделен специальный плац, впоследствии ставший ядром московского района «Лефортово».

Лефорт сопровождал Петра в его частых поездках в Переяславль, а затем и в Архангельск. Во время второй поездки в Архангельск летом 1694 года Лефорт был назначен капитаном корабля «Святое Пророчество», присланного Петру из Голландии не без помощи того же Лефорта.

Франц Яковлевич при этом оставался убежденным кальвинистом. В письме к брату из Архангельска от 4 июля 1694 года он пишет: «Хотя вся страна и все различные национальности

уважают меня, однако я не позволяю усыплять себя такую славою; напротив, стремлюсь постоянно к тому, чтобы доказать мое усердие, привлечь верных подданных. Одним словом, прошу вас верить, что благодать Бога со мною, и хотя я неоднократно оскорблял Его, но она неисчерпаема, и я употребляю всевозможные усилия никогда не забывать Его благодеяний... Никто и никогда не достигал подобных милостей и ни один иноземец не мечтал о них. Сознаюсь, все эти милости необычайны; я не заслужил их; я не воображал в столь короткое время составить мое счастье, но так было угодно Богу».

В Азовских походах 1695 и 1696 годов, направленных против Турции, Франц Лефорт принял самое деятельное участие. Есть мнение, что сама идея походов к турецкой крепости Азов, а не в Крым, принадлежит Лефорту. Он командовал корпусом во время первого штурма Азова 5 августа 1695 года и лично захватил одно из турецких знамен. После первого похода Петр назначил его адмиралом русского флота. Многие современники удивлялись новому назначению уроженца «самой сухопутной страны во всей Европе». Несомненно, Лефорт был малосведущ в морском деле. Однако царь рассчитывал на его энергию в деле создания русского галерного флота, предназначенного перекрыть турецким кораблям доступ к Азову. И эта задача была выполнена в ходе второго похода и взятия крепости 19 июля 1696 года. Сам Лефорт был в это время серьезно болен, и состояние его здоровья быстро ухудшалось. Из Воронежа к Азову он отбыл на специально построенном для него струге, а в столицу въехал на богато убранных саниах, чтобы не страдать от толчков при езде на колесном экипаже. Адмирал был щедро награжден за Азовские походы. Ему были подарены золоченый кубок с именем царя, соболиный кафтан и парча, вотчины в Епифанском и Рязанском уездах, большая сумма денег. Кроме того, Лефорт получил должность новгородского наместника, очень почетную и важную для его будущей функции Великого посла. А самым главным подарком был каменный дворец, который на средства Петра должны были построить в его отсутствие. «Здесь нет здания, равного тому, что будет построено, — писал Лефорт домой. — Стоимость его обойдется в 40 тысяч экю». Стоило Францу Яковлевичу немного оправиться

от болезни, и его дом был вновь полон гостей. С ноября 1696 года последовала череда празднеств с танцами, фейерверками и пушечной стрельбой.

Последней «государевой службой», в которой принимал участие Лефорт, было знаменитое Великое посольство 1697–1698 года. Мысль о его организации, возможно, была подсказана царю именно Лефортом. Формально он возглавлял его, но фактически все руководство находилось в руках опытных дипломатов Ф. А. Головина и П. Б. Возницына. Роль Лефорта была более представительской и сводилась главным образом к переводу речей царя. Он делал также разные закупки и нанимал иноземцев на русскую службу. Однако пышностью свиты и обстановки он превосходил других послов: «Все подается на серебре... Обедают у генерала ежедневно от девяти до двенадцати человек. У него три французских повара». В свите Лефорта было двенадцать дворян-иностранцев, шесть пажей, четыре карлика, около двадцати ливрейных слуг, пять трубачей, музыканты, пастор, лекари, хирурги и рота хорошо снаряженных солдат. Русские коллеги Лефорта были во всем не похожи на него, но в целом три посла прекрасно дополняли друг друга. В Митаве Лефорт познакомил Петра со своим бывшим начальником курляндским герцогом Фридрихом-Казимиром, устроившим посольству великолепный прием. Во время поездки царя в Англию Лефорт, не сопровождавший его, часто, иногда по нескольку раз в день, писал Петру. Его письма, написанные по-русски, но латинскими буквами, не касались серьезных тем. Царский любимец сетовал на разлуку с государем, жаловался на плохое вино, выражал беспокойство по поводу отсутствия известий из Англии: «Господин командер! Ад твоя милость не бевали письме ис Англески земля. Пужалест, пиши нам про своя здорова и как вы веселити; а я радусь буду, если вам доброй». В Вене Лефорт организовал частную беседу Петра с императором Леопольдом I, а в Польше — с Августом II. В целом он был не столько послом, функционирующим по традициям Посольского приказа, сколько «гидом» Петра по Европе. И эту его роль трудно переоценить.

Во время стрелецкого восстания 1698 года Лефорт вместе с Петром возвратился в Россию. Он отказался участвовать

в казни стрельцов, несмотря на то, что они собирались его уничтожить и вырезать всю немецкую слободу. Есть мнение, что он уговорил Петра, считавшего царевну Софью зачинщицей бунта, не убивать ее. В это время Лефорт занимался оборудованием своего великолепного дворца, построенного в его отсутствие каменных дел мастером Д. Аксамитовым на казенные средства. Но недолго пришлось Лефарту наслаждаться новым дворцом. 12 февраля 1699 года было отпраздновано новоселье с участием трехсот гостей. 23 февраля Лефорт заболел горячкой, а 12 марта 1699 года (2 марта по старому стилю) скончался. Узнав о его смерти, Петр воскликнул: «Я потерял самого лучшего друга моего в то время, когда он мне наиболее нужен...». Передают также, что он сказал: «Уж более я не буду иметь верного человека; он один был мне верен. На кого теперь могу положиться?!» При том, что Лефорт ни в одном государственном деле не оставил заметного следа, значение его личности было очень весомым. Пользуясь большим влиянием при дворе, он не вмешивался прямо в дела управления. Его воздействие на Петра было скорее нравственным и общекультурным.

Оценки личности и влияния Франца Лефорта были очень различными. Его соотечественник писал: «Пока Москва остается Москвой, не было в ней иностранца, который пользовался бы таким могуществом. Он приобрел бы большое состояние, если бы не был так великодушен. Верно, конечно, что благодаря этому качеству он достиг такой высокой ступени». Выше уже было указано, что, оставаясь кальвинистом, Лефорт никогда не приписывал себе заслуги достижения столь высокого статуса, считая все случившееся следствием Предопределения. В этом смысле он оказывал влияние и на царя Петра. Не случайно на Воронежской верфи в 1700 году был выстроен корабль с названием «Предестинация». С другой стороны, князь Ф. А. Куракин видел в нем только прожигателя жизни: «И в то время названный Франц Яковлевич Лефорт пришел в крайнюю милость и конфиденцию интриг амурных. Помянутой Лефорт был человек забавный и роскошный, или назвать дебошан французской. И непрестанно давал у себя в доме обеды, супе и балы. И тут в доме первое начало учинилось, что его царское величество начал с дамами иноземскими обходиться

и амур начал первый быть к одной дочери купеческой, названной Анна Ивановна Монсова. Правда, девица была изрядная и умная. Тут же в доме началось дебошство, пьянство так великое, что невозможно описать, что по три дня, запершись в том доме, бывали пьяны и что многим случалось оттого умирать. И от того времени и по сие число и донныне пьянство продолжается, и между великими домами в моду пришло. Помянутый же Лефорт с того времени пришел до такого градуса, что учинен был генералом от инфантерии и потом адмиралом и от пьянства скончался».

Похоронить друга Петр решил со всей пышностью, на которую был способен. Похороны состоялись 11 марта. На траурном шествии впереди шел Преображенский полк во главе с Петром, за ним Семеновский и Лефортов в сопровождении музыкантов и знаменосцев. За ними пять человек несли «на пяти подушках некоторые драгоценности». За гробом шли иностранные посланники и бояре, затем женщины во главе с Элизабет Лефорт. В церкви была произнесена надгробная речь пастора Стумпфа, которая так растрогала Петра, что он велел записать и сохранить ее. Могила, впрочем, не сохранилось. Лефорт, живший в роскоши, оставил жене и сыну практически одни долги — 5957 рублей 25 алтын 4 деньги, которые уплатил за него Петр. Правда, вдова имела собственный источник дохода — она получила большое наследство от своих родителей и всегда распоряжалась им сама, ей же перешли подаренные Лефорту деревни. Элизабет пережила мужа на 27 лет.

Литература: Голиков И. И. Историческое изображение жизни и всех дел славного женевца, Франца Яковлевича (Франциска Иякова) Лефорта, первого любимца Петра Великого, первого российского генерал адмирала... М., 1800; Устрялов Н. Г. Лефорт и потехи Петра Великого до 1689 года. СПб., 1851; Поссельт М. Ф. Генерал и адмирал Франц Яковлевич Лефорт: его жизнь и его время. СПб., 1871; Франц Лефорт: Страницы истории. М., 1999; Соротники Петра / Н. Павленко, О. Дроздова, И. Колкина. М., 2001; Гордон П. Дневник. 1684–1689. М., 2009.